

тоновны и ее положение в нем, по мнению Чернышевского, не представляло для этого исключительных причин. Отношение Чернышевского к уходу Дятловой из «семейства» противоречит его защите идей эмансипации и подтверждает, что в данном случае речь идет о революционной группе.

По словам Лизаветы Антоновны, ее поступок объясняется стремлением сблизиться с людьми, близкими ей духовно. Если бы она поступила иначе — это означало бы «недостаток мужества, бесхарактерность, вялость» (XII, 104). Теперь Лиза собирается «замуж» за человека, который близок Чернышевскому и которому он «желает добра» (XII, 111). Именно это и заставляет Чернышевского вовлечь Лизавету Антоновну в «опасный разговор» с целью выяснить ее «истинные намерения и убеждения».

Лиза — «чистейшая и благороднейшая девушка», но «она сильно не нравится» Чернышевскому (XII, 121), потому что в ее отношении к «жениху» слишком много рассудочности, мало тепла, она «слишком холодна»:

Wie Schnee, so weiss
Und kalt, wie Eiss.

Эти несколько стихов из «Коринфской невесты» — «самые важные» для их разговора (XII, 123). На тему, затронутую в приведенных стихах, «я буду говорить все», — предупреждает Лизу ее собеседник (XII, 123). Под этим «все» подразумевается прежде всего отношение «невесты» к «жениху», почему она «холодна, как лед» и в чем опасность ее «холодности». «Я обниму тебя, — говорит невеста, — но мои объятия будут смертельны для тебя. М о я г р у д ь б е л а, как снег, но холодна, как лед, в ней не бьется сердце. Мое семейство приняло новую веру; я не приняла ее, но моя мать обрекла меня на это» (XII, 123. Разрядка наша. — Е. Г.).

Недоверие автора — Чернышевского к Лизе и вызвано в первую очередь тем, что у нее «белая грудь»: «Твоя грудь бела — я знаю о ней и больше — у тебя белая грудь» (XII, 115). Лизавета Антоновна, вовлеченная против своего желания в «опасный разговор», принуждена признаться, что, «разумеется», у нее «грудь белая», и, «конечно», он это знает, потому что «ведь не маленький» (XII, 114), и добавляет при этом, что и у Саши тоже грудь «белая», «если бы, видели, какая у нее грудь — это прелесть, — я целовала сама, — беленькая, прелесть!» (XII, 111).

Последнее признание, что и у Саши «грудь белая», «рассердило» Чернышевского и явилось для него доказательством, что Лизавете Антоновне не вполне можно доверять, так как она говорит то, о чем говорить нельзя. «Конечно, — соглашается Лизавета Антоновна, — в этом не было надобности, какая грудь у Саши, — ну, это лишнее, я согласна, но пришлось, что за важность» (XII, 114) ²³.

Чернышевский считает это разглашением тайны (что, заметим, совпадает со словами Лопухова в разговоре с Верой Павловной о том, что брюнетка или блондинка его «невеста» — «это тайна»). «Мы оба были люди строгой нравственности, — пишет Чернышевский, — и решительно не нравились друг другу» (XII, 118). Каждый из собеседников убежден в своей правоте: «она фанатик», но и «он тоже фанатик», и между ними «вражда умственная», «вражда фанатизма из-за разницы в убеждениях» (XII, 115, 116).

В чем же не согласны спорящие? Ответ на этот вопрос, заключающий в себе «существо дела», содержится в следующих намеках Чернышевского.

«Необыкновенный», как его называет автор, разговор с Лизаветой Антоновной, когда он ей делает «осмотр», «не гадкий ли она человек», «дурная девушка или нет», можно ли допустить, чтобы она находилась в «близких отношениях к людям, которым он желает добра», происходит как бы под мешающий их разговору аккомпанемент французской речи в сосед-

²³ Возможно, речь идет не о реальном лице, а о революционной группе, носящей женское имя.